

люди искусства

И ПРИХОДИТ ПРОСТОТА...

У каждого зрителя свой вкус, свой счет к любимому артисту. Я помню выпускные спектакли Школы-студии имени Вл. И. Немировича-Данченко в 1955 году на сцене филиала МХАТа. Курс П. В. Массальского показывал «Нору» Г. Ибсена, «Глубокую разведку» А. Крона и «Как важно быть серьезным» О. Уайльда. Меня поразил исполнитель роли доктора Ранка в «Норе». Он явно выделялся среди сокурсников и возрастом, и опытом. Серьезность, глубокая наполненность, сдержанная манера игры, большие, грустные глаза... То была встреча с крупным драматическим дарованием, артистом истинно мхатовского, чеховского плана. Не случайно Евгения Евстигнеева сразу пригласили в труппу прославленного театра.

Однако Евстигнеев вскоре ушел из МХАТа, чтобы вместе с товарищами строить «Современник». Здесь в первую очередь ковались, оттачивались гражданственность, публицистичность, коллективизм актеров, выше всего ценилось умение жить общими интересами. Эта отличная закладка дала хорошие плоды: большинство основоположников «Современника» выросло в прекрасных, разносторонних актеров и по-настоящему общественно активных людей.

С Евстигнеева же, как с более опытного (он успел уже поработать слесарем на заводе в родном Горьком, окончить театральное училище и сыграть около 20 ролей во Владимирском драматическом театре), можно было больше и спросить, доверить любую работу. В одном из первых спектаклей «Два цвета», который сейчас наверняка бы назвали публицистическим плакатом, он играл небольшую роль главаря местных хулиганов Глухаря. Так и стоит он перед глазами: долговязый, угловатый, косноязычный, одетый по блатной моде — шаровары заправлены в сапоги, серая кепка глубоко надвинута на голову. Яркий был образ, объемный, вылепленный увлеченно, с присущей артисту наблюдательностью. Он углядел в грозном повелителе банды не только звериную жестокость, ненависть к «правильному» герою, которым был совсем юный на вид И. Кваша, но и неожиданное: давний страх унижения, неосознанную жажду красоты, гармонии. В решающей сцене Глухарь все пытался сплести, рвался, утверждая свое молодечество, в лихой ритм цыганочки — и никак в него не мог попасть, а оттого зверел прямо на глазах, терял последнюю человеческую искру...

А вскоре Евстигнеев вышел на сцену в заглавной роли «Голого короля» Е. Шварца. Талантливый и озорной сатирический спектакль раскрыл доселе неизвестные публике гротесковые грани в индивидуальностях группы исполнителей: помимо Евстигнеева, здесь блистали Г. Волчек, И. Кваша, М. Козаков... Для него же эта прекрасная, умная, вдохновенная работа, принесшая большой успех, стала поистине этапной: она круто и надолго повернула его творческий путь на комедийную стезю. Не без влияния «Голого короля» выбрал Евстигнеева-сатирика на роль начальника пионерлагеря Дынина в своем первом фильме «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен» Э. Климов. И лента

свежа, актуальна и смешна до сих пор.

Вообще кинематограф, как всегда, с жадностью накинусь на новое «лицо», эксплуатируя его своеобразную внешность, зоркость, изобретательность, азартность, любовь к жизненным деталям и острому рисунку. «Смех был порожден моей злостью», — скажет потом артист об одной из своих лучших сатирических ролей — режиссера самодельности в комедии «Берегись автомобиля». Но это относится к большинству его комедийных работ в кино и театре, без которых сегодня трудно себе представить историю нашей культуры в 60—70-е годы. Это и Куропеев-Муравьев в «Назначении» А. Володина, и жених Калачев в кинофильме «Зигзаг удачи», и загадочный «общественный» старик Адамыч в «Старом Новом годе», и Корзухин в «Беге»...

До конца 60-х годов, пока «Современник» не обратился к «На дне» М. Горького, существовал этот «перекос». Перелом начался после Сатина, которого Евстигнеев играл нервно, трудно, порой слишком остро, но все же сильно, убежденно, ярко. И еще не раз ощущалось в его сценических работах, особенно первых во МХАТе, куда он вслед за О. Ефремовым перешел в 1970 году, что прежние приемы и ярлык популярного комика мешали ему.

Наступили 70-е годы — период творческого возмужания, наибольшей активности артиста, озаменованный также приходом в Школу-студию имени Вл. И. Немировича-Данченко, где Евстигнеев преподает актерское мастерство. «В зрелости простота приходит и понимание, — скажет он позже. — От грима сейчас почти отказался, от трюков тоже».

Наиболее заметно это становится в кино- и телевизионных работах. Он все чаще отказывается от ролей-повторов, все охотнее играет стариков, интеллигентов, чудаков. Странный, выделяющийся из толпы человек с резкой характерностью всегда ему был интересен. Старые мастера, вроде Стаканюча из фильма Н. Губенко «И жизнь, и слезы, и любовь», или пожилые интеллигенты, вроде тихого художника Николая Николаевича («По семейным обстоятельствам»), профессора Плейшнера («Семнадцать мгновений весны»), или провинциального актера Павла Горяева («Повесть о неизвестном актере»). Деликатные, покладистые, талантливые эти люди, коснись их заветного, тут

же дадут неожиданно железный отпор, ибо они честны и принципиальны. И обязательно в чулки не пастелью нарисованном образе мелькнет крошечный эпизод или даже характерная деталь, что напомнит о тяге актера к эксцентрике. Вспомним смешную, подпрыгивающую походку Плейшнера или трагикомический немой монолог старика-сторожа из «Подранков», который справедливо связывали с чаплинской традицией в кино.

В свои зрелые годы во МХАТе Евгений Евстигнеев встретился и с Чеховым, и с подлинной «мужественной простотой» (слова Немировича-Данченко) в творениях старших партнеров и учителей. Шабельского в «Иванове» он и до сих пор играет в очередь с М. Прудкиным, а Чебутыкина в «Трех сестрах» принял буквально из рук А. Грибова. Есть, есть нынче в чеховских образах Евстигнеева те мгновения высокой поэтической правды, ради которой приходим мы в Художественный театр.

Однако заветная мхатовская глубина и ясность едва ли не мощнее сказались в современном репертуаре артиста. Место классики заняли «Заседание парткома» и «Мы, нижеподписавшиеся». Здесь вовсю раскрылись активная гражданская позиция, принципиальность и скромность Евстигнеева — коммуниста и человека. Секретарь парткома треста Лев Алексеевич Соломахин, что вел и внеочередное заседание партийного комитета, и весь спектакль, сразу вызывал доверие зрительного зала. Он был наделен евстигнеевским умным, цепким взглядом, демократичностью, вдумчивостью, его быстротой реакции и умением стукнуть кулаком по столу, если надо отстоять свое мнение. Тут сложилось то счастье, убежденное, полное слияние с ролью, что зовется большой удачей и так обогащает и актера, и зрителей.

Есть сильные, масштабные и мужественно прожитые эпизоды и в последней театральной роли Евстигнеева — Геннадия Выборнова из «Серебряной свадьбы» А. Мишарина. Так он молча тоскует о матери, на похороны которой не успел, так вершит тяжкий суд над друзьями молодости и самим собою...

А недавно и на экране появился наконец герой, ясно обозначивший собою рубеж творческой зрелости, — Алексей Иванович Беглов из фильма К. Шахназарова «Зимний вечер в Гаграх», картины, поставленной специально «на Евстигнеева». Вот что говорит о нем сам артист: «Нам сейчас на экране и сцене нужен именно такой человек — не вылезаящий со своим «я», не претендующий на теплое место под солнцем, все понимающий, живущий достойно и честно. Мы тоскуем по таким людям, хочется, чтоб они жили рядом».

Будем надеяться, что наш кинематограф пойдет навстречу пожеланиям мастера о «роли негромкой и глубокой»! Что же касается МХАТа, известно, что народный артист СССР Евгений Евстигнеев репетирует роль в новой пьесе М. Рождина «Перламутровая Зинаида».

Е. ОЛЬХОВИЧ.

Фото И. Александрова.